

- Потому что моя развалилась, а *твоя* мнѣ понравилась.
 — Ну, ну, скидавай! Чтò бобы-то разводить.
 — Зачѣмъ я буду скидавать? Это поддевка *моя*.
 — Скидавай, говорятъ тебѣ! А то я *самъ* сниму.
 — Ну—ка, попробуй! Чтò же ты вѣру свою хочешь смѣнить? Сказано: злomu не противься.

Хозяинъ поддевки не зналъ, чтò дѣлать,—стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ казусомъ.

— Ну, ну, Петька, довольно шутить; мнѣ на работу нужно идти,—сказалъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Вотъ еще чтò выдумалъ! Сказано, не дамъ. А если станешь снимать, такъ и тресну! Чтò ты мнѣ сдѣлаешь? Драться тебѣ нельзя.

Женщины стали читать парню нотацію.

— Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя приютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это не только ругаешься, но и бить хочешь. Неужели у тебя нѣтъ никакого стыда?

— Эка чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому что вѣра ваша такая. Сколько разъ сами говорили: голоднаго накорми, нагого одѣнь! то-то! Говорите одно, а дѣлаете другое: поддевки жалко стало. Сказано: не отдамъ, а если полѣзете, такъ я васъ“...

Этотъ фактъ не приглядень, но весьма поучителенъ и въ обществахъ толстовцевъ вовсе не представляетъ исключенія. Послушайте, чтò говорятъ толстовцы въ своихъ собраніяхъ, и вы удивите, что они признаютъ принципъ непротивленія злу и отрицаютъ право собственности только тогда, когда говорятъ о богатыхъ землевладѣльцахъ; а какъ дѣло коснется до уплаты податей, до помощи бѣднымъ, Толстой и его ученики поютъ совсѣмъ другую пѣсню и имъ справедливо могъ бы сказать каждый, какъ сказалъ выше парень Петька: „то-то! говорите одно, а дѣлаете другое!“

Не „уговоръ замалчиванія“, а искаженіе ученія Христова и совершенный произволь дѣлаютъ бесплодными и недолговѣчными общества „непротивленцевъ“. Толстой только не захотѣлъ понять того урока, какой указали ему американцы въ судьбѣ квакеровъ, Гаррисона и Балу...